

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

История коллекций или коллекция историй?

А.В. КУПРИАНОВ

Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия; alexei.kouprianov@gmail.com

Впервые открыв пухлый томик с длинным названием «Зоологические коллекции России в XVIII—XXI веках: научный и социально-политический контекст»¹, я никак не думал, что рецензирование его окажется таким непростым делом. Сначала я споткнулся о несколько частностей, потом, решив написать для начала пару общих фраз, попытался подобрать подходящее слово для вводного предложения — и не смог, потому что и сами авторы не смогли. Постепенно я начал понимать, что краткая рецензия констатационного плана тут не годится. В результате и родились эти полемические заметки, в которых найдется место и частностям разного рода, и общим проблемам истории науки как дисциплины в российских условиях.

К сожалению, большую часть текста этой рецензии составляют критические замечания, а похвалы сконцентрированы в кратком заключении. Вместе с тем мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось предубеждение против этой книги. Мне представляется, что усилия Н.В. Слепковой, вообще много делающей для разработки истории зоологии в Петербурге и, в частности, организовавшей конференцию по истории зоологических коллекций (Зоологический музей ЗИН РАН, 11–12 ноября 2009 г.), заслуживают одобрения и всяческой поддержки. Эта конференция собрала как профессиональных историков науки, так и высококвалифицированных зоологов, интересующихся историей своей науки.

¹Зоологические коллекции России в XVIII—XXI веках: социально-политический и научный контекст / Ред. Н.В. Слепкова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. 404 с.

Доклады, прозвучавшие на ней, и легли в основу статей, вошедших в книгу, и, несмотря на все критические замечания, эта книга — важный во многих отношениях корпус текстов, которые будут интересны как историкам науки, так и зоологам. Тем досаднее, что начать, все же, придется с развернутой критики.

Остров или материк?

Перед нами — произведение несколько неопределенного жанра². Авторы называют свой опус то коллективной монографией (например, на с. 7 и с. 385), то сборником научных статей (например, в издательской справке на с. 404)³. Однако я решительно склоняюсь в пользу последнего (и не только потому, что, по сути, мы имеем дело со сборником докладов конференции).

Во-первых, том начисто лишён общего справочного аппарата. В том, чтобы делать списки литературы постатейно, нет ничего предосудительного, но в книге на четыре сотни страниц, в которой упоминаются сотни персон и организаций, таксонов животных и растений, а также географических названий, нет ни одного сводного указателя. Признаться, я и сам не вспомнил бы о них, если бы не соотнёс повторяющиеся призывы считать этот труд коллективной монографией с примечанием на с. 334:

Исключительно важной в истории российского музееведения является деятельность профессора зоологии Александра Федоровича Котса (1907–1964), основателя и первого директора Дарвиновского музея (о нем см. настоящий сборник. — *сост.*) (Никонова, 2012).

Забудем о том, что не вполне ясно, о ком или о чём надо «смотреть настоящий сборник». Давайте зададим себе вопрос: куда смотреть? В оглавление? Там нет ничего подходящего. В аннотации статей, помещённые в конце тома? Аннотации кратки, списки ключевых слов мало соотносятся друг с другом⁴, а слова «А.Ф. Котс» и «Дарвиновский музей» отсутствуют даже среди ключевых слов обсуждаемой статьи (хотя и присутствуют в самой аннотации). Был бы указатель, читатель, возможно, добрался бы до с. 145 (Бурлыкина, 2012), на которой имеется один абзац, посвящённый А.Ф. Котсу и Дарвиновскому музею, но что делать, когда такого указателя нет? Предварительно заучить книгу близко к тексту?

Во-вторых, всё построено не от какой-либо, даже слабой, объединяющей идеи, а «от материала», который у каждого исследователя свой (вместе с подходами к его изучению). Попытки редактора-составителя убедить читателя в наличии общего разумного замысла⁵ терпят неудачу, как только начинаешь читать сами статьи, так или иначе

² Мне кажется, что эта неопределённость — не случайность и не повод для пустой формальной придирки, а симптом текущего состояния истории науки в России, поэтому остановлюсь на ней несколько подробнее.

³ Здесь и далее, если не указано конкретное сочинение, цитируются страницы обсуждаемого сборника.

⁴ Например, главный герой повествования фигурирует в аннотациях к разным статьям под названиями: ЗИН, ЗИН РАН, Зоологический институт РАН, Зоологический институт (если я ничего не пропустил).

⁵ Во вводной статье Н.В. Слепкова очерчивает разделы коллективной монографии, как бы намечая её план (Слепкова, 2012, с. 7–9).

распределившиеся по разделам. Подход «от материала» был бы возможен, если бы в подборе материала, в свою очередь, соблюдался некоторый план (например, дать более-менее полный обзор коллекции того же Зоологического института и музея по систематическим группам или по основным фондообразователям — исследователям, сборы которых были положены в основу современной коллекции, или дать обзор крупных коллекций России). Однако этого плана, очевидно, нет. Выбор систематических групп довольно странный и фрагментарный — двукрылые в целом, но как бы почти без кровососущих (комаров, слепней, мокрецов и др.), находящихся в ведении другой лаборатории (Зайцев и Нарчук, 2012), и комары-звонцы в частности (Пржиборо, 2012), круглые черви (Рысс, Цалолихин 2012), десятиногие (Спиридонов, Петряшев, 2012) и усоногие (Полтаруха, 2012) раки. Из всех коллекторов монографического внимания были удостоены лишь довольно маргинальные в плане образования современного коллекционного фонда П.С. Паллас (Шишкин, 2012) и Иоганн фон Бёбер (Сытин, 2012) (в отношении обоих сделан неутешительный вывод о том, что экземпляры из их зоологических коллекций, если и сохранились, то либо где-то за границей, либо, по большей части, не выявлены), а из более поздних — один лишь П.К. Козлов (Юсупова, 2012). Из зоологических коллекций в поле зрения попали лишь Кунсткамера / Зоологический музей АН / Зоологический институт РАН и, бегущей строкой, музеи университетов дореволюционной России⁶. Заметные современные нам коллекционные центры Азиатской России (как минимум, Новосибирск и Владивосток) даже не упомянуты. Замечу, я не ставлю этого в упрек авторам и составителям, но лишь пытаюсь пояснить, почему этот сборник не следовало бы называть коллективной монографией.

Наконец, в-третьих, не видно никаких следов взаимодействия авторов. Оставим пока в стороне проблему глобальных теоретических перспектив, которые могли бы быть предложены историками науки или философически настроенными зоологами для осмысления поднятой темы. В книге есть места, в которых историки могли бы просто по мелочи что-то подсказать зоологам, а зоологи — историкам, но даже это примитивное взаимодействие не ощущается. Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера несколько историй, в которых сотрудничество между историками и зоологами помогло бы избежать забавных странностей.

Плоды раздора

В статье о десятиногих ракообразных коллекции ЗИН, излагая биографию М.Г. Ратке (1793—1860), В.А. Спиридонов и В.В. Петряшев (2012, с. 99) мимоходом отмечают: «Ратке изучал медицину и естественную историю в университетах Геттингена, где он слушал лекции Пандера (и где также учился Бэр), и Берлина, где он в 1818 г. получил степень доктора медицины».

Биографии Христиана Пандера (1794—1865), Карла Бэра (1792—1876) и Мартина Ратке в общих чертах известны, их образовательные траектории описаны⁷. Любому,

⁶ Университетским музеям в той или иной степени посвящены статьи М.И. Бурлыкниной (2012), С.И. Фокина (2012) и А.Ф. Беспалова (2012).

⁷ Напомню их вкратце. Бэр, защитивший диссертацию в Дерпте в 1814 г., отправился для продолжения образования через Кенигсберг, Берлин (где встретился с Пандером) и Дрезден в Вену (1814—1815). Из Вены через Мюнхен — в Вюрцбург, где частным образом занимался срав-

кто даст себе труд с ними ознакомиться, покажется крайне маловероятным, чтобы Ратке чему-то учился у Пандера (Пандер был на год младше Ратке, прибыл в Гёттинген годом позже, уехал на год раньше и не имел на тот момент ни степени, ни вообще опыта серьёзных самостоятельных исследований), да и времени у них на это было немного. Бэр в студенческие годы даже проездом не бывал в Гёттингене, куда попал только в 1861 г., уже маститым учёным, в качестве организатора антропологического конгресса (Stieda, 1902). Любой историк биологии, хотя бы немного знакомый с биографией Бэра (самого известного изо всей троицы), должен был моментально сделать стойку на Гёттинген и полезть проверять информацию по самым, что ни на есть, общедоступным и общеизвестным источникам («Русские биологи-эволюционисты...» Райкова, «Allgemeine...» и «Neue Deutsche Biographie»)⁸. Однако всем этим надо было заниматься ещё на этапе подготовки рукописи. Что теперь делать с этой мимоходом брошенной фразой? Надеяться на то, что сборник тиражом в триста экземпляров не доберётся до массового читателя, а тот, в свою очередь, не будет полагаться на него как на источник информации о биографиях Ратке, Пандера и Бэра?

В той же работе (Спиридонов, Петряшев, 2012, с. 101) авторы пишут: «Владимир И. (отчество в известных нам документах не упомянуто) Чернявский (184?–18??)». Подсказываю на будущее простой способ (он, разумеется, работает не во всех случаях) узнавать отчества авторов, когда-либо публиковавших в России монографии. Во всяком случае, с него, как с наиболее экономичного, всегда имеет смысл начинать, потерпев неудачу с поиском заслуживающих доверия источников в Google. Достаточно обратиться к каталогу Российской национальной библиотеки (бывшей Императорской публичной). Для этого даже нет необходимости ехать в Петербург. Каталог доступен на сайте библиотеки в Интернете. Я заглянул в каталог и — кто бы мог подумать — обнаружил там с десяток работ В.И. Чернявского и отчество «Иванович» (более того, в описании одной из работ отчество фигурирует непосредственно в составе первичной библиографической информации). Почему это простейшее решение не было своевременно подсказано авторам?

Чтобы не сложилось впечатление, что советы могут давать только историки зоологам, приведу ещё пару примеров, на сей раз прямо противоположных. Они касаются довольно тонкого вопроса о современных названиях животных, упоминаемых в сочинениях героев исторических очерков. В принципе, как таковая замена исторических названий животных и растений на современные принесёт больше вреда, чем пользы,

нительной анатомией у Игнаца Дёллингера (1770–1841) и некоторыми другими предметами у местных аптекарей и врачей. В 1816 г. он пешком через Лейпциг направился в Берлин (где провёл полгода). С 1817 г. он уже был прозектором и приват-доцентом в Кенигсберге. Помимо стандартных справочных источников, *Wanderjahre* Бэра подробно описаны им самим (о маршрутах перемещения см.: Вагг, 1865, S. 204–206, 223–228, 281–288). Ратке обучался в Гёттингене с Пасхи 1814 г. по 1817 г., в 1817 г. переехал в Берлин, где в 1818 г. и защитил диссертацию (Stieda, 1888; Hess, 2003). Пандер после обучения в Дерпте весной 1814 г. отправился в Берлин, весной 1815 — в Гёттинген. На Пасху 1816 г. он вновь встретился с Бэром в Йене на съезде студентов из Балтийских провинций, а в начале лета 1816 г. при посредничестве Бэра перебрался в Вюрцбург к Дёллингеру, где в 1817 г. опубликовал свою диссертацию о развитии куриного зародыша (Райков, 1951, с. 153–159; Stieda, 1887).

⁸ Примечательно, что авторам был знаком биографический словарь русской профессуры Волкова и Куликовой (2003), в котором можно было бы проверить информацию по Бэру и Ратке, но они почему-то в этих случаях им не воспользовались.

поскольку последние могут смотреться грубым анахронизмом в рассказах об учёных прошлого. Вместе с тем в комментариях имело бы смысл приводить современные названия, поскольку это не только позволит быстро понять, о каких именно таксонах идёт речь, но и поможет в процессе работы над комментариями избавиться от некоторых содержательных недоразумений.

В одной из двух статей, посвящённых материалам экспедиций П.К. Козлова в лекциях ЗИН РАН, А.И. Андреев и Т.Ю. Гнатюк пишут: «Здесь он (А.Н. Казнаков, один из спутников Козлова — А.К.) впервые обнаружил новый вид длиннохвостого хомячка, определенный К.А. Сатуниным (*Cricetulus phaeus griseiventris* Sat.) (Сатунин 1902)» (Андреев, Гнатюк, 2012, с. 241). Совершенно очевидно, что К.А. Сатунин в данном случае не столько *определил*, сколько *описал* новый вид, но дело даже не в этом, а в форме названия. Более-менее верное в плане неклассической латыни, подавившейся латинизированным греческим (хомячок бурый с серым брюхом), оно выглядит невообразимо архаичным для начала XX в. Такой не вполне правильный полиномиал, скорее, ожидаешь встретить в сочинениях XVII–XVIII вв. В начале XX в. оно могло быть записано только в форме *Cricetulus phaeus griseiventris*. При всей кажущейся малозначительности различий в этом случае мы имеем не полиномиал образца XVIII в., а название подвидовой формы, данное в полном соответствии с уже вполне современными правилами зоологической номенклатуры⁹. Оно сохранилось и поныне в качестве младшего синонима *Cricetulus longicaudatus* Milne-Edwards, 1867 (см.: Mammal species... 2005).

Буквально на следующей странице те же авторы пишут:

Во время зимовки в ущелье Речу в Восточном Тибете путешественники обнаружили ряд новых, совершенно неизвестных до того времени млекопитающих: джару или джагура (*Nemorhoedus khamensis* sp. nov.), камскую летягу (*Pteromys melanopterus*), речную выдру (*Lutra*) (Андреев, Гнатюк, 2012, с. 242).

Начнём с конца. Речная выдра, как таковая, известна (индо)европейцам с глубокой древности, о чём свидетельствует сходство её названий в огромном количестве языков. Латинское название *Lutra* фигурирует во всех основных работах по зоологии раннего Нового Времени от Геснера и Альдрованди до Рэя и Линнея. На территории, по которой путешествовал П.К. Козлов, не распространены никакие иные виды, кроме все той же европейской речной выдры *Lutra lutra* (Linnaeus, 1758). Почему она при этом считается совершенно неизвестным видом млекопитающих? Летяга *Pteromys melanopterus* (Milne-Edwards, 1867)¹⁰ была описана лет за тридцать до путешествия П.К. Козлова (и, более того, фигурирует в тексте под своим названием). Ещё можно было бы предположить, что путешественники считали обнаруженных выдр особым, неизвестным ещё науке, видом рода *Lutra*, но что делать в случае летяги, определённой с точностью до известного на момент путешествия вида? Самым загадочным изо всей тройцы

⁹ На тот момент Международные правила, положенные в основу ныне действующего Международного кодекса зоологической номенклатуры, пребывали *in statu nascendi*, но национальные кодексы, из которых они выросли, были в ходу уже с 1840-х гг. Уже написав это, я решил, на всякий случай, свериться с оригиналом. Разумеется, в оригинальной работе, опубликованной на немецком языке, название дано в форме «*Cricetulus phaeus griseiventris* subsp. nov.» (Satunin, 1902, S. 566–567), т. е. в полном соответствии с тогдашними и нынешними правилами и с ясным указанием на подвидовой статус описываемой формы.

¹⁰ Современное название *Aeretes melanopterus* (Milne-Edwards, 1867), см.: Mammal species... 2005.

оказался «*Nemorhoedus khamensis* sp. nov.» Мне не удалось обнаружить никаких следов этого названия ни в каталоге млекопитающих мира (Mammal species... 2005), ни в базе данных ITIS Integrated Taxonomic Information System (проверено 18.01.2014), ни среди валидных названий, ни среди синонимов, ни в роде горал (*Naemorhedus* C. H. Smith, 1827)¹¹, ни за его пределами. Возможно, оно так и не было опубликовано подобающим образом. Дальнейшие пояснения «Джара (китайский яман) — копытное животное, нечто среднее между антилопой и козлом, характерно только для Восточного Тибета» никак не помогают, поскольку яманами, по крайней мере в настоящее время, называют виды рода *Pseudois* Hodgson, 1846. Здесь бы и подключиться специалистам из ЗИН РАН, где, возможно, так и хранятся привезённые П.К. Козловым четыре черепа, четыре шкуры и полный скелет этого животного, однако историков все эти тонкости, видимо, не волнуют, а зоологи почему-то тоже не спешат поправить очевидные несообразности¹².

Теоретическая рамка

Оставим, однако, эти весьма частные проблемы, связанные с отсутствием координации между авторами, и перейдем к более общему вопросу о теоретических перспективах. Здесь речь пойдёт не об абстрактной пользе каких-то притянутых за уши больших науковедческих теорий или зоологической философии, а о том, что минимальное теоретическое напряжение позволило бы авторам быть чуть более зоркими. Справедливости ради следует отметить, что некоторая теоретическая заявка была сделана ещё на титульном листе сборника: подзаголовок обещал рассмотрение истории коллекций в научном и социально-политическом контексте. Как мы увидим ниже — впустую.

Каждый раз, читая в аннотации к книге или проекту про контекст (например, социально-политический), в котором происходит что-то научное, я начинаю испытывать беспокойство. Контекст — слишком мало обязывающий теоретический конструкт. Он слишком часто поставляется в комплекте с несколькими архаичной историографической концепцией, согласно которой наука и научная деятельность разворачиваются по своим особым законам как бы в башне из слоновой кости на фоне живописного задника, роль которого «контекст» и играет. При этом анализ вклада «контекста» в производимые научные знания и характер его взаимодействия с учёными телами из центральных задач исследования слишком легко превращаются в чисто декоративную виньетку, которую можно очертить в паре фраз или вовсе отбросить за ненужностью.

В результате на практике такой безответственный «декоративно-контекстуальный» подход оказывается довольно малопродуктивным. Вооружённые столь слабым эвристическим инструментарием авторы вместо историко-научных текстов порождают странноватые хроники довольно эзотерического характера, годные разве что на роль конспекта первичных источников. Например, в нашем случае они аккуратно перечисляют коллекционные поступления, людей, собиравших и обрабатывавших

¹¹ *Nemorhoedus* — одна из многих форм названия этого рода, не соответствующих первоначальному написанию. В каталоге млекопитающих мировой фауны упоминаются ещё пять (Mammal species... 2005).

¹² Я остановился на этих двух случаях только потому, что они сразу бросаются в глаза. Уверен, что имело бы смысл разобраться и с остальными таксонами, упоминаемыми в этой и других работах, написанных без участия соавторов-зоологов.

коллекции, события жизни путешественников. Собранные вместе, эти данные и сами выглядят как музей раннего Нового времени, экспонаты которого должны напоминать знатоку о сложном устройстве макрокосма и служить поводом для благочестивых раздумий, однако всё это мало похоже на современную проблемно-ориентированную историко-научную статью. При том, что центральный тезис статьи должен обосновываться автором не без опоры на доказательную базу, оторванная от какого-либо тезиса доказательная база сама по себе статьи ещё не составляет. Отсутствие серьёзного внимания к процессу производства научных знаний, в котором сплетается и то, что относится к «науке» наивный интерналист, и многое из «контекста», приводит к тому, что исследователи проходят мимо достойных рассмотрения проблем, даже лежащих на самой поверхности.

Например, описывается рост коллекции двукрылых ЗИН РАН. Сначала нам рассказывают про приобретение в 1838 г. коллекции Вальтля в 1004 экз., принадлежащих 800 видам (Зайцев, Нарчук, 2012, с. 32), затем коллекции Эверсмanna — 6116 экз. на 1400 видов (*ibid.*, с. 32–36). И вдруг — следующее же крупное приобретение (коллекция Плеске) — 23 тыс. (!) наколотых на булавки двукрылых (*ibid.*, с. 39–40). Один этот скачок должен был натолкнуть на размышления, например, об изменении технологий сбора и хранения насекомых, представлений о назначении коллекций и т. д. Если у Вальтля большинство видов было представлено одним экземпляром, у Эверсмanna соотношение меняется уже до 1:4. О составе коллекции Плеске можно только гадать, но при таком количестве экземпляров она не могла не содержать и более-менее обширных «серий» — по нескольку, а иногда и помногу экземпляров одного вида, собранных приблизительно в одном и том же месте. Это совершенно иной подход к сбору и хранению насекомых, чем тот, что был характерен для хозяев более ранних коллекций. За ним стояла другая наблюдательная теория, другая коллекторская программа. Возможно, эти теоретические подвижки нигде не были декларированы явно, но не заметить изменение практики невозможно. Как могли пройти мимо этого современные нам диптерологи, для которых сбор тысячи наколотых экземпляров — вопрос нескольких дней, быть может, недель полевого сезона, а сбор серий — норма?

Как при аккуратном описании коллекций, сопровождаемом множеством фотографий, с отпускаемыми мимоходом замечаниями о квадратных этикетках с сокращёнными географическими названиями, прямоугольных — с пятизначными номерами, расшифровку которых можно произвести только по специальному журналу, хранящемуся в лаборатории систематики насекомых, не сделать именно эти изменения подходов к менеджменту коллекций и режиму прагматического конструирования коллекционного экземпляра одним из главных предметов рассмотрения? Почему при булавочном фетишизме диптерологов (я сам не раз слышал о том, что сборы двукрылых в спирту можно просто выбрасывать) уже упоминавшихся комаров-звонцов (*Chironomidae*) внезапно начали собирать в спирт, причем не только личинок, что было бы понятно, но и имаго? Заливать в постоянные препараты в жидкости Фора-Берлезе? Заливать препараты генталий самцов в канадский бальзам? Какие подвижки в наблюдательной теории стояли за этим? Почему даже наиболее радикальный, вероятно, прорыв — переход к изготовлению препаратов хромосом из слюнных желез личинок — не получил хронологической привязки и не вписан в изменение концепций о сравнительной важности различных особенностей для конструирования образа таксона (Пржиборо, 2012, с. 50)?

Со времён «Личностного знания» М. Полани (1985) в науковедении пользуется определённой популярностью концепция так называемого скрытого или неявного

знания (*tacit knowledge*), которое невозможно передать словами, но можно лишь почувствовать при практическом научении. На него можно многое списать там, где дело касается повседневной лабораторной или музейной рутины. Однако в нашем случае речь идёт не столько о принципиально неэксплицируемых телесных навыках, сколько о вполне поддающихся экспликации знаниях, которые воспроизводятся в сообществе посредством изузстной традиции и дисциплинирования тел неофитов и подражательного научения (как правильно наколоть насекомое, как сделать нужные препараты, что писать на этикетках, где посмотреть расшифровку непонятной этикетки, содержащей один лишь цифровой код, кому принадлежат этикетки такого-то образца, сколько насекомых лаборанту-коллектору приличествует собирать в день и т.д. и т.п.). Всё это может и должно стать предметом историко-научного описания и анализа. В этом плане в сборнике есть очень удачные фрагменты: например, в статье В.Ф. Зайцева и Э.П. Нарчук излагается «коллекционный кодекс» А.А. Штакельберга — неофициальный свод нормативных предписаний, призванных регулировать пополнение и обработку коллекции двукрылых (Зайцев, Нарчук, 2012, с. 42), однако это капля в море. Такая работа по переводу не очень хорошо скрытого знания в явное — важная часть работы историков науки, которой, увы, в анализируемом нами сборнике уделено далеко не достаточное внимание.

Иногда эта слепота не только наносит ущерб увлекательности повествования¹³, но и подрывает саму доказательную базу исследования. В статье про коллекцию птиц и млекопитающих, собранную Велимиром Хлебниковым и хранящуюся в музее Казанского университета (Беспалов, 2012), огромное внимание уделено контексту. Мы многое узнаем о биографии прославленного поэта и его зоологических увлечениях. Однако в самый решающий момент читателю просто показывают фокус, объявляя, что экземпляры, которые ранее считались добытыми В.А. Хлебниковым, отцом В.В. Хлебникова, следует приписать последнему. Как удалось *доказать*, что этикетки «В. Хлебников» следует читать именно так? Что оказалось решающим аргументом? Особенности почерка? Сопоставление дат и мест сбора с деталями биографий отца и сына? Дополнительные поиски в архивах? Я не ставлю под сомнение результат — я недоумеваю по поводу того, почему читателю отказано в праве понять, каким образом он был получен.

Я остановился столь детально на этих довольно простых примерах, чтобы показать, что все декларации относительно «научного контекста» превращаются в пустой звук, как только доходит до дела. Не лучше и с контекстом «общественно-политическим».

Дело даже не в столько том, что вооруженные экспедиции — «научные рекогносцировки» (Андреев, Гнатюк, 2012, с. 237) Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова без видимых целей бродят по просторам Центральной Азии, сколько в почти полном отсутствии рефлексии по вопросу о роли учёных в обществе и причинах «внутренней» динамики научного сообщества. Когда директор зоологического института пишет, что причиной расширения штата института стало «расширение исследований биоразнообразия России и сопредельных стран», а необходимость увеличения финансирования в наши дни аргументирует воспоминаниями о том, что в XIX в. «из Государственного Казначейства выделялись немалые специальные средства» (Пугачев, 2012, с. 3), это выглядит почти

¹³ В конце концов, забредший в «статью-музей» знаток может и без посторонней помощи повосхищаться разбросанными по тексту намеками (были бы они только разбросаны) и покинуть понимающе своим гипотезам.

как признание Р. Кадырова о том, что деньги на развитие экономики Чеченской Республики дает Аллах. Возможно, в реальности директор настроен более прагматически, но было бы замечательно, если бы это здоровое управленческое мышление пробило дорогу и в тексты, пусть даже вводные замечания к сборнику, который на три четверти посвящён истории музея и института. Такое же ощущение полной оторванности от реалий производят и многие другие места. Чего только стоит фраза об использовании зоологических коллекций для точного определения животных при таможенном досмотре (Калякин, Павлинов, 2012, с. 19)! Описание какого-нибудь реально имевшего место эпизода использования коллекции таможенниками могло бы несколько оживить эту схему, однако на фоне обыденных представлений об отечественной таможне она производит впечатление несколько надуманной.

Рецензент как агент языковой политики

Несмотря на глубокую связь с атеоретичностью, эзотерический характер текстов заслуживает особого обсуждения, поскольку он выражается не только в описанном выше искусстве принципиально не проясняемого для профанов намёка на всем известным в неопределенно узком кругу персонажей или на какие-то научные или социально-политические обстоятельства, но и в весьма характерном повреждении языка.

Вообще, как историку, мне не следовало бы вмешиваться в естественный процесс эволюции языка науки, ограничившись наблюдениями и фиксацией новых языковых фактов, однако как бывший энтомолог я воспринимаю эти эволюционные процессы, скорее, как недоработки редактора и недопустимое проникновение лабораторного жаргона в текст научных публикаций¹⁴. Отмечу несколько таких мест. Постараюсь обойтись без пустых придинок к мелочам, вроде использования слова «слайды» (калька с английского *slides*) в значении «постоянные препараты», сосредоточившись на довольно принципиальных моментах.

В статье В.А. Спиридонова и В.В. Петряшева (2012) регулярно употребляется словосочетание «валидный вид». Строго говоря, «валидным» может быть только название таксономической группы, но не сама группа. При этом «валидное» («действительное») название в данном случае это не произвольно сформулированное оценочное суждение, а вполне точный термин, употребляемый в значении, определённом в Международном кодексе зоологической номенклатуры. В отличие от этого, «валидный вид» — это выражение, проникшее в печатный текст из неформальных разговоров за чаем, означающее приблизительно «группа, которую мы действительно считаем особым видом, имеющая такое-то валидное название». В том же лабораторном жаргоне ему противостоит «синоним» — «мнимый» вид, т. е. номинальный вид, название которого мы считаем младшим синонимом другого, валидного названия¹⁵. Принципиальное отличие от строгих дефиниций Кодекса состоит здесь в неотрефлексированном смешении номенклатурного и таксономического суждения, различие которых составляет один из краеугольных принципов Зоологической номенклатуры (Международный кодекс... 2000, с. 24).

¹⁴ Читатель, не чуждый современным эволюционным теориям, конечно же, увидит здесь глубокую аналогию между биологической эволюцией и эволюцией языка.

¹⁵ В концентрированном виде всё это можно наблюдать в табл. 1 на с. 104–107, где в графе «современный статус таксонов» чередуются записи «валидный вид» и «синоним».

Слову «валидный» вообще не везёт в этом плане. Оно складно выглядит, научно звучит и нравится всем, но это нередко заводит его не туда, куда надо. Например, на с. 296 (Шишкин, 2012) читаем: «По правилам современной зоологической номенклатуры, описания животных, сделанные до 1758 г. (дата выхода 10-го издания “Системы природы” Карла Линнея) считаются невалидными». Здесь мы имеем дело с целым рядом неточностей. Во-первых, Кодекс вообще не характеризует «описания животных» как валидные и невалидные. Валидными или невалидными бывают только названия таксонов и номенклатурные акты¹⁶. Во-вторых, если бы речь шла о названиях или номенклатурных актах, то, чтобы быть *валидным* или *невалидным* (*valid / invalid*), название или номенклатурный акт для начала должны быть признаны хотя бы *пригодными* (*nomenclaturally available*). Среди *пригодных* названий («доступных» нам при решении номенклатурных проблем) и выбирают по довольно четко прописанным правилам *валидное* название таксономической группы. Названия и номенклатурные акты, опубликованные до 1 января 1758 г., считаются *непригодными*, это гораздо более жёсткое ограничение, чем *невалидность*¹⁷, и зоологам следовало бы чётко различать такие вещи. Наконец, в-третьих, в строго определённых Кодексом ситуациях, ссылка на *описание, опубликованное до 1 января 1758 г.*, может даже выступать в качестве одного из критериев пригодности названия, опубликованного уже после этой даты¹⁸.

Наконец, последнее. Если бы это было исключительно историко-научное сочинение, можно было бы ограничиться сказанным. Однако одна из статей затрагивает вопросы, находящиеся в юрисдикции зоологической систематики. В не раз уже упомянутой статье В.А. Спиридонова и В.В. Петряшева на с. 105 устанавливается синонимия названий *Palaemon elegans* (Rathke, 1837) и *Leander edwardsi intermedia* (Czerniavsky, 1884). Судя по примечанию, впервые. По сути, мы имеем дело с опубликованным номенклатурным актом. Во-первых, мне не кажется, что сборник подобного рода — удачное место для публикации номенклатурных актов (хотя формально к этому нет никаких препятствий), и я надеюсь лишь на то, что оттиск этой статьи найдет дорогу в *Zoological Record* и *ZooBank* и, несмотря на отсутствие недвусмысленного упоминания о новой синонимии в английском резюме, как-то будет проиндексирован в базе данных. Во-вторых, в таблице указано, что второе название следует считать младшим объективным синонимом первого. Объективные синонимы — это названия, основанные на одном и том же номенклатурном типе. В случае названий номинальных таксонов видовой группы, а мы имеем дело именно с ними, в качестве номенклатурного типа выступают типовые экземпляры (например, группа синтипов, голотип или лектотип)¹⁹.

¹⁶ МКЗН определяет номенклатурный акт как «Опубликованное действие, влияющее на номенклатурный статус научного названия или типификацию номинального таксона» (Международный кодекс ... , 2000, Словарь терминов, с. 145).

¹⁷ Важное для нас положение Кодекса (Гл. 4. «Критерии пригодности», ст. 11) гласит: «Для того чтобы быть пригодным, название и, там где это уместно, номенклатурный акт должны удовлетворять следующим положениям: <...> быть опубликованы (в значении, принятом в ст. 8) после 1757 г.» (Международный кодекс... 2000, с. 44).

¹⁸ Подробнее см. ст.: 12.1, 12.2.1, 13.1, 13.1.2, 13.6.1.

¹⁹ Под типовыми экземплярами подразумеваются, как правило, коллекционные образцы животных, на которых было основано первое описание вида. Обычно они особым образом маркируются в коллекциях, поскольку обращение к ним необходимо для прояснения вопроса об аутентичном смысле предложенных названий. Например, более поздние исследователи могут сравнить типовые экземпляры двух ранее описанных видов и счесть, что все они принадлежат

Всё было бы ничего, но единственный хранившийся в коллекции ЗИН РАН синтип *Palaemon elegans*, судя по данным, представленным в статье, утрачен, места хранения других синтипов не установлены, а типовый материал *Leander edwardsi intermedia* не обнаружен. К сожалению, авторы не сообщают, каким образом им удалось объективно синонимизировать эти два названия в столь непростой ситуации.

Мелочи

Не обошлось и без калечащих смысл опечаток. Не раз помянутая статья о десятиногих раках порадовала недописанной фразой «из них присутствует лишь то есть менее половины» (Спиридонов, Петряшев, 2012, с. 108). Не обойдена вниманием нередко искажаемая фамилия династии Северцовых («Н.А. Северцев», см.: Басаргина 2012, с. 229). Запятая, вкравшаяся в название центрального для нашей дисциплины журнала, превратила его из респектабельного академического издания со скучным длинным названием в столь характерный для нашего времени тип «журнала для научных публикаций» («Вопросы истории, естествознания и техники», см.: Беспалов, 2012, с. 265).

Заключение

Было бы, однако, несправедливо полагать, что текст сборника соткан из одних лишь промахов и недочётов. В двух с лишним десятках статей рассеяна масса интересных деталей, которые многое скажут тем, кто интересуется историей российской зоологии. Помимо упомянутых уже работ, посвящённых зоологическим коллекциям как таковым и их хранителям, в книге можно найти много интересных материалов. Во-первых, весьма подробный очерк истории Зоотомического кабинета Санкт-Петербургского университета, особую ценность которому придаёт удачная попытка причинного объяснения смены мод на те или иные специализации в работах студентов и, соответственно, смены специализации от одного поколения выпускников, заселявших Зоологический музей Академии наук, к другому (Фокин, 2012; Слепкова, Фокин, 2012). Во-вторых, краткий, но обстоятельный очерк истории самого Зоологического музея среди прочих музеев Академии, сопровождаемый публикацией положения о Зоологическом музее от 13 марта 1895 г. (Басаргина, 2012). В-третьих, очерки об архиве ЗИН РАН и о легендарном библиографе и историке ЗИН РАН К.Б. Юрьеве (1921–1986) (Тихонова, 2012; Дунаева, 2012b). В-четвёртых, важные архивные и библиографические находки: рукопись неопубликованного каталога Кунсткамеры на русском языке (Копанева, 2012) и печатные каталоги европейских коллекций, на которые, с высокой вероятностью, опирались составители каталога Кунсткамеры, с описанием приемов идентификации ранних поступлений в библиотеку Академии наук (Дунаева, 2012a). В-пятых, детальное описание реставрации скелета великана

одному виду (и, соответственно, предложить рассматривать название одного из этих «видов» как синоним названия другого). В отсутствие таких экземпляров при недостаточной детализации описаний и изображений сделать выводы о статусе описанных форм с достаточной степенью уверенности будет невозможно. Синтип, голотип и лектотип — разные по статусу (с точки зрения соответствующих положений Кодекса) типовые экземпляры и их группы.

Буржуа, проливающее свет на способы изготовления экспонатов Кунсткамеры (Радзюн, Стариков, 2012). Наконец, конспект истории создания интерактивных компьютерных определителей, которые начали разрабатывать в лаборатории систематики насекомых ЗИН РАН задолго до того, как персональный компьютер стал верным спутником каждого зоолога (Лобанов и др., 2012).

Среди прочих достоинств особо хотелось бы отметить, что сборник богато иллюстрирован. В нём содержатся десятки портретов (многие из которых публикуются впервые), фотографии коллекций и отдельных препаратов (это материал огромной историко-научной ценности, поскольку он позволяет пролить свет на историю практик коллекционирования), репродукции страниц книг.

Разумеется, было бы много приятнее ограничиться обзором опубликованных в сборнике статей и беглым перечислением достоинств и не писать так подробно о недостатках. Я бы так и сделал, если бы не был уверен в том, что все помянутые странности, даже если они и были допущены авторами в рукописях, могли быть ещё до публикации исправлены при ответственном подходе к делу редакторов и рецензентов. Замечу, что среди тех и среди других, числом восемь (!) человек, были как опытные историки, так и блестящие зоологи.

Я уже не первый раз сетую на страницах этого журнала на падение уровня издательской культуры. Боюсь, что не в последний, но не теряю надежды на то, что мои критические замечания рано или поздно принудят редакторов и внутренних рецензентов держаться в тонусе, что, в свою очередь, позволит писать более позитивные отзывы.

Литература

Андреев А.Н., Гнатюк Т.Ю. Коллекции центрально-азиатской фауны в фондах ЗИН: из истории формирования // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 237–248.

Басаргина Е.Ю. Зоологический музей в комплексе музеев Императорской Академии наук // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 219–236.

Беспалов А.Ф. Орнитологическая коллекция Виктора (Велимира) Хлебникова Зоологического музея им. Э.А. Эверсмана Казанского государственного университета // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 259–267.

Бурлыккина М. И. Особенности развития зоологических музеев в высших учебных заведениях дореволюционной России // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 135–147.

Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начало XX вв.: Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 544 с.

Дунаева Ю.А. Использование голландских каталогов кабинетов редкостей для определения зоологических экспонатов Кунсткамеры в первой половине XVIII века // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012а. С. 271–288.

Дунаева Ю.А. Кирилл Борисович Юрьев (1921–1986) — библиограф и историк Зоологического института РАН // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012б. С. 361–373.

Зайцев В.Ф., Нарчук Э.П. История коллекций двукрылых насекомых (Insecta: Diptera) Зоологического института РАН // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 29–48.

Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: социально-политический и научный контекст / Ред. Н.В. Слепкова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. 404 с.

Калякин М.В., Павлинов И.Я. О стратегии научного использования зоологических коллекций // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 13–26.

Копанева Н.П. Первый каталог зоологических коллекций Кунсткамеры на русском языке // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 289–294.

Лобанов А.Л., Кирейчук А.Г., Пугачев О.Н., Смирнов И.С. Зоологические коллекции, интерактивные определители и Интернет // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 123–132.

Международный кодекс зоологической номенклатуры. 4-е изд. Принят Международным союзом биологических наук / Пер. с англ. и фр. под ред. И.М. Кержнера, А.Н. Андрияшева, Я.И. Старобогатова. СПб.: [б.и.], 2000. 221 с.

Никонова А.А. Вклад А.Ф. Котса в теорию музееведения: о соотношении научно-исследовательской и просветительской функции музея // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 333–342.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / Пер. с англ.; под общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршавина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Полтаруха О.П. Усоногие раки (Cirrhipedia, Thoracica) в коллекциях Зоологического института РАН // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 117–122.

Пржиборо А.А. Коллекция Chironomidae (Insecta: Diptera) в Зоологическом институте РАН // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 49–83.

Пугачев О.Н. Предисловие // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 3–5.

Радзюн А.К., Стариков Ю.В. Скелет Николая Буржуа: история и реставрация одного экспоната Кунсткамеры // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 319–330.

Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 2: К.М. Бэр, Х.И. Пандер, Д.И. Соколов, Э.И. Эйхвальд, П.Ф. Горянинов, Г.Е. Щуровский и московские трансформисты 30-х гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 588 с.

Рысс А.Ю., Цалолыхин С.Я. Роль коллекции нематод Зоологического института РАН в развитии нематодологических исследований в мире // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 85–96.

Слепкова Н.В. От составителя // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 7–9.

Слепкова Н.В., Фокин С.И. Научный персонал Зоологического музея Императорской Академии наук и биологическое образование в Санкт-Петербургском университете: вторая половина XIX — начало XX в. // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 175–218.

Спиридонов В.А., Петряшев В.В. Сборы и типовые коллекции черноморских Crustacea Desaroda М.Г. Ратке, А.Ф. Брандта и В.И. Чернявского в Зоологическом институте РАН: их сохранность и значение для исследования биологического разнообразия европейских морей // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 97–115.

Сытин А.К. О коллекциях петербургского натуралиста Иоганна фон Бёбера (1746–1820) // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 309–317.

Тихонова Е.П. Архив Зоологического института РАН как источник сведений об истории института // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 345–360.

Фокин С.И. Зоотомический кабинет Императорского Санкт-Петербургского университета: люди и коллекции // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 149–174.

Шишкин В.С. П.С. Паллас и проблема сохранения зоологических сборов XVIII века // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 295–308.

Юсупова Т.И. Сотрудничество путешественника П. К. Козлова с Зоологическим музеем Академии наук // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 249–258.

Baer K.E., von. Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst. Veröffentlicht bei Gelegenheit seines fünfzigjährigen Doctor-Jubiläums am 29. August 1864 von der Ritterschaft Esthlands. SPb.: Buchdr. der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften, 1865. VI, 674 S.

Hess V. Rathke, Martin Heinrich // Neue Deutsche Biographie. Vol. 21. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. S. 180–181.

Integrated Taxonomic Information System (ITIS). Проверено 18.01.2014. <http://www.itis.gov> Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. 3rd Edition / Ed. By D. E. Wilson and D.A. M. Reeder. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 2142 p. <http://www.departments.bucknell.edu/biology/resources/msw3/>

Satunin K.A. Neue Nageltiere aus Centralasien // Ежегодник Зоологического музея имп. Академии наук. 1902. Т. 7. № 4. С. 547–589.

Stieda L. Pander, Heinrich Christian von // Allgemeine Deutsche Biographie. Vol. 25. Leipzig: Duncker & Humblot, 1887. S. 117–119.

Stieda L. Rathke, Martin Heinrich // Allgemeine Deutsche Biographie. Vol. 27. Leipzig: Duncker & Humblot, 1888. S. 352–355.

Stieda L. Baer, Karl Ernst von // Allgemeine Deutsche Biographie. Vol. 46. Leipzig: Duncker & Humblot, 1902. S. 207–212.

Будет ли новый синтез?

Н.А. Курчанов

Санкт-Петербург, Россия; kurchanov50@mail.ru

Коллективная монография «Создатели современного эволюционного синтеза»¹ посвящена учёным, которые внесли свой вклад в становление синтетической теории эволюции (СТЭ). СТЭ долгие годы определяла главный вектор развития современной биологии. И в настоящее время, в период, который многие называют «вторым синтезом», её убежденные сторонники считают, что новые данные молекулярной биологии могут быть успешно аккумулированы в рамках СТЭ без смены эволюционной парадигмы. Чтобы разобраться во всех хитросплетениях современных дискуссий, мы должны хорошо представлять этапы формирования СТЭ. Становление этой теории по-своему уникально в истории биологии: она была плодом деятельности большого числа крупных учёных, иногда с существенными различиями во взглядах. Не все «архитекторы» СТЭ, их предшественники и последователи одинаково хорошо знакомы российским читателям, а некоторые, к сожалению, совсем неизвестны. Отсюда понятно, каким важным событием научной жизни является выход данной монографии. Поскольку каждая глава посвящена определённому учёному, имеет смысл кратко остановиться на каждом из них.

¹ Создатели современного эволюционного синтеза / Отв. ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2012. 994 с.